

Посвящается Учителю советской школы, нашим родителям, вынесшим на плечах все тяготы Великой Отечественной войны в борьбе с фашизмом в 1941 – 45 гг.

1. Чугунок парной картошки

— Мамка, отпусти?

Отец купил мне фотоаппарат «Смена-8». Учусь в третьем классе. Начались каникулы в ноябрьские праздники. Прошу в центр города. На центральной площади седьмого ноября общегородская демонстрация в честь Великой Октябрьской социалистической революции. Революция произошла в 1917 году в Петрограде. Теперь это город Ленинград. Далеко Ленинград от сибирского нашего города. Ленинград теперь зовётся «колыбелью революции». Народу со всего Канска тьма стекается в праздники на центральную площадь. Там же Свято-Троицкий собор, в котором меня крестили десять лет назад. Знаю я всё это от мамки. Отца я редко вижу дома, работает грузчиком на мелькомбинате.

Наша шестая восьмилетняя школа тоже ежегодно шумит и поёт на центральной площади города, нарядная шарами и красными флагами над колонной, Первого мая и в День Победы. Седьмое ноября — в праздничных демонстрациях. Школ в городе много. Предприятия выводят своих тружеников. Перед площадью трибуна из красного кирпича, микрофоны. Там

всегда не протолкнуться от руководителей горсовета, райкомовских секретарей. По решению этих властных людей с недавних пор Свято-Троицкий собор превращён в городской драматический театр. Броневик у театра имеется настоящий. Ленина актёр натурально изображает. И едет этот броневик с Лениным-актёром по периметру площади. И под фонограмму ленинской речи Ленин-актёр жестикулирует массам. Третье-классников на демонстрацию нынче не взяли. Морозы зимние в ноябре навалились. А мне очень хотелось сфотографировать Ленина на броневике. Но мамка упёрлась, не пускает на улку.

— Ага, — канючу я. — Чистить в хлеву у коровы глызы — так не холодно? А как в город сбегать — так неззя...

Живём мы на окраине города. В нашем квартале две семьи коров держат. Чирки, которые через дорогу напротив живут, тоже держат корову. Летом частное стадо большое собирается на заливных лугах, за военным городком, где пасёт коров и коз нанятый людьми пастух. Отец каждое лето берёт отпуск и уезжать косить сено к себе в деревню Егоровку. Это за Абаном, дорога на Почет. На Покров сено отец привозит, но я радуюсь больше деревянному бочонку солёных груздей. На уроках наша классная до четвёртого класса учительница нас подробно расспрашивала о наших родителях. Я рассказал о корове. О сенокосе в тайге, откуда отец и грузди всегда привозит. Валентину Константиновну Чухломину мы любили как родную сестру. Мы у неё — первый класс после Канского педучилища. Восемнадцать лет. Худенькая, маленькая, её можно было и не отличить бы от нас, школьников. Но огромные глаза, иссиня подведённые под веками от бессонных ночей, выдавали в ней зрелую молодую мать. Ребёнку ещё и года нет. Снимают они с мужем домик возле стадиона «Спартак». Мамка моя полюбила Валентину Константиновну. Любил классную нашу и я. Любил по-детски, как родную тётку, как сестру мамину Машу из Игарки. Рассказывая об отце, неожиданно пообещал:

— Отец привезёт сено — угощу вас груздями.

Знакомство и рассказ о груздях были в первом классе. Уже и третий учусь у Валентины Константиновны. Обещание довелось выполнить только этим октябрём. Отец привёз сено на лесовозе ночью в субботу. Привёз и бочонок груздей. Утром я аккуратно уложил в трёхлитровую банку красавцев лесных, груздь к груздю. Мамка знала о моём обещании Валентине

Константиновне. Именно мамка приучила меня с детства держать слово. Сказал — держи слово. Наш отец никогда не обманет, если пообещает. Разрешил и отец взять мопед «Рига-2». Поехал я к стадиону «Спартак». Подобного потрясения детского я больше не испытывал. На месте домика, где жили Валентина Константиновна с мужем, остались одни развалины. И где теперь она живёт, я не знал. Я прислонил мопед к столбику палисадника из белённого известью штакетника. Стал бродить среди руин. На глаза попала фотография мужчины. Я ни разу не видел мужа Валентины Константиновны. На обороте фотографии была надпись фиолетовым карандашом:

«В тумане жизненных исканий,
Порой наедине мечтаний,
Быть может, вспомнишь обо мне?»

Домой вернулся с грибами. Мамке рассказал о своём горе.
— Не переживай, сынок. Отнесу я грузди Валентине Константиновне, раз ты обещал, — утешила мамка.

В школе подошёл на перемене к Валентине Константиновне, передал забытое на развалинах фото.

— Ты там был? Зачем? — удивилась Валентина Константиновна.

Ночью сено виделось огромным зародом на площадке лесовоза. Я и мамка помогали отцу всю ночь переносить сено на сеновал и в огород. Лесовоз тоже с нашей улицы. Рядом с Чирками дядя Юра Коростелёв живёт. Работает дядя Юра на лесовозе в Канском леспромхозе. Прошлым летом брал меня в рейс в тайгу за лесом. Старый ЗИЛ с округлыми крыльями манил меня постоянно. Притягивал магнитом, когда лесовоз, с прицепом на площадке, стоял перед воротами коростелёвского двора. Дядя Юра не жалел кабину, не запрещал покрутить руль. Сын у него, Толька, ещё сопливый, обижает его ребятня нашего квартала, я защищаю Тольку.

— Как тебя звать? — спросишь Тольку.

— Ко-о-о, — протяжно, заикаясь, отвечает.

Хоть и не заика он. Шпыняют Тольку братья Анисимовы. Борька Анисимов мой ровесник, дружим, а братья его — Вовка с Саней — уже приблатнённые. Но братишку своего меньшего, Борьку, слушают. Я прошу Борьку, чтобы не трогали Тольку, когда играем в чика на сухом солнцепёке перед

воротами Анисимовых. Толька от меня не отстаёт, когда я на улице, путается под ногами. Борька просит брата Вовку:

— Оставь соплю.

Коростелёв Толька рос сопливым подростком. До учёбы в школе милиции так и звали его — не иначе как «Ко-о». Дядя Юра знает о моей опеке над его сынишкой, меня добрым словом привечает. Поехал с ним в рейс. Дожди лили неделю. В Дзержинские лесовоз загрузили брёвнами, воз с горкой. На ровном месте кряхтит старый ЗИЛ, а грязь — заехали по ступицу, поползли как черепаха. Улица Красной Армии тянется вдоль военного городка далеко за город. В дожди по ней только лесовозам и ездить. Выпил дядя Юра крепко в дороге, несколько раз останавливались на тракте. На въезде в улицу Красной Армии заснул дядя Юра пьяненький за рулём. До наших домов на улице Лазо пять кварталов. Я уже умел включать и выключать первую скорость в машине. ЗИЛ остановился, дядя Юра сонно выключил передачу, спросил меня:

— Доедешь до дома?

За кабиной ночь. В свете фар впереди видна одна глубокая грязная колея от грузовиков. Сполз дядя Юра на пассажирское сиденье, я перебрался за руль. До педалей я уже доставал носочками. Выжал педаль сцепления, включил рычагом первую передачу. Как и учил дядя Юра, медленно отжал педаль сцепления. Придавил носочком педаль газа. Тронулся лесовоз послушно, забилося моё сердечко! Сам! Да так загромыхало от восторга и радости, что перестал я слышать рёв двигателя. А лесовоз послушно выбирался из грязи метр за метром по намятой в грязи колее. Гидравлики на старых ЗИЛах не было. Руль вырывался из рук на каждой кочке. Но я цепко держался своими ручонками за баранку. И бросало меня вместе с баранкой из стороны в сторону. Дядя Юра спал. Я вёл машину, как это делал дядя Юра, и не заметил, как увидел впереди себя, в свете фар, ворота коростелёвского двора. Успел и затормозить! Заглох мотор. Дядя Юра остался спать в кабине. Тётка Вера — хохлушка вредная, в дом мужика не пускала пьяного. И часто дядя Юра досыпал ночь в кабине. А утром пришибленно полз к ногам жены. Удивительно мирный мужик дядя Юра. Добрейшей души человек.

Мамка у меня строгая. Боюсь её пуще огня. Слушаюсь. Росточком мамка отцу и под мышками не достаёт.

С Валентиной Константиновной они и статью, ликами похожи. В рейс отпрашивался у отца. Мама ему не перечит. Вот и на демонстрацию прошусь — мамка упёрлась. Рано ещё за окном, отец спит в спальне. Пришёл с работы поздно, калымил на разгрузке угля на железнодорожной станции. Жили мы хорошо. Мамка держала огород, от скотины собирался навоз на парники; ранние огурцы отец любил. Вырос отец в тайге, где огурцы и не знали как выращивать. Молоко и сметана от домашней коровы, мамка и масло из сметаны сбивала в деревянной маслобойке. Отца кормить надо, работа грузчиком тяжёлая. Отец любил меня, но виду не подавал, всегда был сердит, как его отец, мой дед, Василий Павлович Шелях. Любил отец свою семью, работал не покладая рук и слово своё всегда держал. Подростковый велосипед «Орлёнок» у меня единственного в нашем квартале, теперь вот и фотоаппарат отец купил. Куплен и фотоувеличитель, все химикаты для проявки плёнки. Прошлую зиму я ходил на соседнюю улицу к Журавлям. Сын Журавлей Володя работает в городе мастером в фотоателье. Мои родители дружат с Журавлями. Володя научил меня обращаться с фотоаппаратом, заряжать и проявлять плёнку. Научил и фотографии делать.

Пошёл я будить отца. Он у меня «косоватый» на левый глаз, от рождения такой. Но я этого не замечал.

— Тоня,— позвал отец маму из спальни.— Одень тепло парня, и пусть идёт, фотографирует,— распорядился отец.

Зима шестьдесят третьего года. У меня синяя китайская шубейка с капюшоном, на кроличьем меху. Мамка купила давно её, до войны с китайцами на острове Даманском. Покупала загодя, на вырост, мне для школы. Шубейка висела в шифоньере, табаком от моли пересыпанная. Одела меня мамка в эту шубейку впервые. Моя любимая одежда — чёрная телогрейка. Я любил фуфайку за мягкое и уютное тепло. Но на праздник в телогрейке идти грех, когда есть добрая одежда. Чёрные валенки, отцом подшитые. Шарф шерстяной, вязанный мамкой из красно-сине-зелёной пряжи. Шапка цигейковая. Фотоаппарат можно держать в тепле на груди. Ах, как я любил в этот час родителей! Отец всегда со мной как с ровней говорил, делился, когда я с ним ездил рыбачить с ночёвкой на Терскую протоку. Отец купил себе мопед «Рига-2». Разрешал мне на мопеде кататься, он на работу ездил на нём. Мелькомбинат далеко, в зарельсовой стороне

околотка, автобусы туда не ходят. Там и кондитерская фабрика. Одно время отец работал на этой фабрике грузчиком.

Только Коростелёв вечно у нас пасётся. Тётка Вера работает швейей, вот мальчишка и дневалит у нас, кормится воровбьём. Конфетами я одаривал и братьев Анисимовых. Старшие братья работали на канской «ликёрке», воровали оттуда водку. Чирки оседлали мясокомбинат, можно было у них обменять сметану на колбасу, а колбасу — на водку у Анисимовых. «Коммерция» в нашем квартале процветала.

В нашем квартале недавно поселилась семья с Украины, Вдовиченко. Дядя Петя — с рыжими усами стрелкой, в фуражке артиллериста с чёрным околышем, в армейском галифе. Тётя Лиза стала брать у нас молоко. Трое детей в семье Вдовиченко. Серёжка на пару годков старше меня, а Муха в третьем «А» классе теперь учится. Самый маленький у них — годовалый Женька, пока сопливый, дальше ограды его тётка Лиза не выпускает. Ребятни в нашем квартале много. Так много, что никогда не скучно на улице: снежные горки строим, летом в лапту режемся на пустыре — в заливных лугах, на солнечных зелёных полянах, которые раскинулись до самого Кана от стрельбища военного городка.

Отец любит париться в городской бане. С пяти лет берёт меня с собой. В нашей ограде есть маленькая банька для мамки, она там стирает, моется с моей старшей сестрой Людкой. Но главная у бани задача — это варить там на плите для скота картошку в чугуне. Мамка варит картошку свиньям, в бане запаривает горячей водой из чугунного котла лузгу в ведрах с комбикормом, готовит пойло для коровы тёплое. У Коростелёвых бани нет, тётка Вера у нас в бане полощется, моет вечно чумазого Тольку. Дядя Юра не парится. У Коростелёвых времянка тёплая и зимой, круглый год хозяева там толкутся, в дом только ночевать ходят. Во времянке тётка Вера и моет дядю Юру. И материт его там же, и приласкает хитрая, как лиса, хохлушка.

Гуляют на праздники наши родители вместе. Столы любит накрывать у себя тётка Вера. Изба у них высокая, горница просторная, зал светлый. Пьют гости, бабы поют. Мужики неразговорчивые. Меня не гнали от стола. Любуюсь отцом в нарядной рубахе, мамкой в малиновом шёлковом платье, чёрные лаковые туфельки на каблучках. Витые локоны школьной ручкой завьёт от виска.

— Моя королева, — хмыкнет одобрительно отец.

Любил отец маму. За работой отца редко вижу дома. Мамка даже надоедает, уроки гонит делать. А отец — добрый молчун.

В школу на сбор я опоздал. Наши учителя уже увели колонну в город. На площади не стал искать свою школу. Демонстранты стоят долго, каждый ждёт своего часа пройти перед трибуной, мёрзнут, приплясывают, потирая руки и уши. А на трибуне громы раздаются, в микрофон рёв голосов стоит на всю площадь. Ревут, а не говорят, по очереди начальники большие и не очень. После праздных речей медленно катится вокруг площади зелёный броневик с «Лениным» на башне. В центре площади — обелиск первому руководителю большевиков. Площадь Коростелёва. Ленина с броневика, которого представляет актёр театра в гриме, мы, дети, слушали очарованными! Разинув рты. Толпы праздного народа оживали! Приходили в волнение.

Школьники замёрзли, носы в колонне зашвыркали. Уже и домой скорее хочется.

Простыл я. Китайская шубейка на кроличьем меху не годится для двадцатиградусного мороза. Пронизал меня холод насквозь. К вечеру поднялся кашель. У мамки градусник, смерила — нет у меня температуры. Ещё не вечер. В бане в чугуне только что сварилась картошка в кожуре. В этот год взрослые и не гуляли седьмого ноября почему-то. Каждый сам по себе, дома отметили годовщину Великого Октября.

Мамка пощупала лоб. Температуры нет, а в груди хрип. И кашель забивает до свиста в горле. Мамка моя — деревенская. Девчонкой войну выдюжила без болезней, босиком ей приходилось боронить поля. Обувка в хлам быстро рвалась на полевых работах. От хвори и простуды знает как лечить.

Сняла мамка пододеяльник с ватного одеяла. Отец дома был. Принёс отец из бани чугунок с парящей жаром картошкой в кожуре. Воду отец в бане слил из чугунка. Жаром духовитым дышит разваренная картошка. Когда картошка остывает, мамка толчёт её колотушкой и добавляет в комбикорм свиньям. У нас два кабанчика постоянно в свинарнике растут. Одного кабана держат на мясо — питаться отцу, работа тяжёлая, кормить сытно надо. Второго кабана перед ноябрьскими праздниками отец застрелил из ружья. Тушу разделал на части, свинину продали на базаре. Купили сестре Людке пальто. Сестра старше меня на четыре года. Растёт быстро. Это не я — облачился в телогрейку да побежал

в школу. Стыдно родителям сестру в школу неряхой отправлять. Платье школьное коричневое, белый фартук. Сестра уже комсомолка. Алый комсомольский значок на белом нагруднике белоснежного фартука делает её красавицей. Я завижусь сестре. Хожу в октябрятах. В четвёртом классе в пионеры примут. А в седьмом, как сестра, и комсомольцем буду.

Чугунок с варёной картошкой в кожуре отец поставил на пол возле кухонного окна в огород. Мамка раздела меня до трусиков, накрылась ватным одеялом вместе со мной над чугуном с картошкой. Отец подоткнул одеяло. Силком мамка наклонила мою голову к чугунку лицом.

— Дыши! — потребовала мамка.

От первого вдоха парной картошкой я задохнулся. Защёлся в кашле до слёз. Отпрянул от чугуна. Мамка ждала, что так будет, знала по своему опыту. Силой удержала мою голову, прижала лицо к горячему пару.

— Не ошпаришься. Глубоко дыши!

И я задышал. И так легко в груди стало. И так в сон стало клонить. Пот тёк с меня ручьями. Мамка аккуратно закутала меня в одеяло, уже спящего, отец отнёс к себе на кровать в спальню.

На другой день я сделал фотографии с парада в Канске седьмого ноября 1963 года. Фотографии не сохранились, а память цепко держит прожитую жизнь.

Росли мои дети на Индигирке. Мамка научила мою жену лечить дочерей от простуды паровой баней на отварной картошке. Секрет прост: картошку надо варить обязательно в чугунке. Чугун держит жар. И картошка, сваренная в чугунке, этот древний жар держит в себе. Лечит этим древним жаром любую простуду.

А китайскую шубейку на кролике мамка убрала в шкаф до тёплой весны. Чёрную стёганую телогрейку я пронёс до восьмого класса.

2. Огурцы — народ капризный

Колонка для качания воды у нас в огороде, под окном кухни. Отец сам забил трубы, на работе сварщики сделали колонку с рычагом и клапаном. Резинка под клапаном не даёт воздуху упустить воду в трубах, когда качаешь воду. Вода для полива огурцов — обязанность моя. Мамка — первая

огорода в околотке. Знает, что холодной водой поливать огурцы нельзя, замокнет корень от простуды.

— Огурцы — народ капризный, — учит меня мамка умудрившему.

Вода для полива парников с огурцами греется на солнышке в цинковой старой ванне, рядом полный воды бачок двухведёрный эмалированный; железных бочек из-под бензина с вырезанным верхом под воду в огородах не знали ставить. Да и где их было, эти железные бочки, брать? Деревянные бочки из кедровой клёпки покупали в артели слепых и глухонемых. Артель — за Канским мясокомбинатом. Там же и кожзавод. Кожзаводом звали всё ту же артель, только работали там зрячие. Рядом с мясокомбинатом — городская тюрьма.

Я люблю нашу улицу Лазо. Наш дом — на солнечной стороне. Последний квартал улицы. Конец улицы упирается в окружной гравийный тракт, а за окружной дорогой — чистые, без деревца, зелёные поля и луга до самого Филимоново. Посёлок Филимоново знаменит сгущённым молоком. Там молочно-консервный завод. И рано утром, по холодку, пылят молоковозы со всего Канского района, везут сдавать молоко в Филимоново. В поле, недалеко от железной дороги, хорошо различимы от нашей улицы самолёты Ан-2, рядом желтеющие рыбьими туловами рядом с постройками аэропорта. «Кукурузник» весь день летает.

Весёлая жизнь идёт. Лето! Я закончил восьмой класс. В деревню ехать некогда — в июне экзамены. В доме спать душно. Мамка разрешила ночевать мне на потолке под крышей дома. Отец дал старый брезент, овчинку рыбацкую, мамка отдала старое ватное одеяло, памятное мне в начальных классах: когда простывал, шлындая с открытой грудью на зимней улице, лечила мамка от простуды над чугуном парной картошки, укрывшись со мной этим ватным одеялом.

Два года назад мы жили в другом доме, в соседнем квартале на этой же улице. Загорелось родителям увидеть Украину, пожить в краях тёплых, где цветут яблони и вишни. Отец родился в таёжной деревеньке в Абанском районе. Мамка — из Канского района, из деревни Хаёрино, деревни богатой до войны, многолюдной. Хаёрино в лесостепи, окружена деревенька холмами и березняками. На солнцепёке лысых холмов много растёт клубники. Я не люблю собирать ягоды, но мамка заставляет, и клубникой я наедаюсь на всю

зиму и без варенья. Мамка дождалась, пока я отучусь шестой класс, отправила меня в деревню Егоровку.

Покупатель на наш дом быстро нашёлся. Отец купил в пятьдесят восьмом сруб, своими руками крышу крыл соновым тёсом, печник печь русскую в доме изваял раскрасавицу, отец отгородил спальню от зала досками, поставил перегородку между прихожей с улицы и залом, где телевизор «Рассвет». Мамка изнутри дранкой стены обшила; я, шестилетний мальчуган, месил глину с песком ногами в ванне — раствор, которым мамка закидывала дранку и вытягивала мастерком глину с песком в ровненькие стены. Потом отец пристроил веранду. Одновременно с постройкой дома поднялись связкой и банька, пристройка для кабанчика, хлев для коровы. И мне иногда казалось, что я родился в яслях у коровы. В детстве я не помню, чтобы у нас пустовал хлев без коровы, огород, который рядом с коровником.

Отучившись шестой класс, я уехал в деревню. Родители упаковали вещи в железнодорожный контейнер, пока без адреса. Поехали на родину хохлушки тётки Веры Коростелёвой, в Кривой Рог. Собирались там купить домик, потом и контейнер отправить из Канска. Отцу не понравилась Украина. До начала учебного года родители вернулись в Канск и купили этот дом в соседнем квартале на нашей улице Лазо.

Из деревни я вернулся в другой дом. Высокая сибирская изба под шиферной крышей шалашиком. Первый дом на Лазо, который отец достроил, был под четырёхскатной крышей из тёса. Я любил отроком летом забираться на конёк дома, выползал из слухового окна, подошвы не скользили на сухих досках крыши. Любил сидеть на верхотуре и смотреть вдаль — за окраину города, где вдалеке дымилась городская свалка. Там мы часто бывали с братьями Анисимовыми, Толька Коростелёв с нами. В июне в Первом военном городке военные интенданты освобождали подземные овощные склады под новый завоз. Солдаты привозили на свалку нераспечатанные ящики с гнилыми яблоками, иногда вываливали самосвал, полный гнилых арбузов. Для сибирского подросткового жителя это сказка! Яблок много не гнилых, арбузы обрезали складнями от кислой гнили и ели радостно, смеясь своему детскому счастью. Рядом со свалкой — огромный песчаный карьер, вода в карьере снеговая — стоячая и тёплая, купались там в мае, пока курья от Кана не очистится ото льда. В крутом борту на

обрывах песчаных карьеров гнездились стрижи. Над свалкой кружило чёрной стаей гомонливое воронье.

Теперь, повзрослев, я видел в открытую дверку с потолка моего нового дома всё так же дымящуюся городскую свалку, всё тех же чёрных ворон, нарезающих круги в небе над свалкой, видел песчаный карьер, мальчишек и девочек, там промышляющих, поросль — нам смена.

После школы мне предстояло работать на табачной фабрике, ящички колотить. Отец на этой фабрике работал кочегаром. В девятый-десятый классы доучиваться после восьмилетки я не желал идти.

— Так тумакom и останешься, — сердилась мамка на моё нежелание учиться. — Сидеть на шее отца не дам, пойдёшь работать, — пригрозила она.

— Школьников на фабрику берут ящички колотить, — подтвердил отец. — Работают до обеда, а платят школьникам за полный рабочий день. Восемьдесят рублей получают, кто работает на ящичках.

Летние дни стояли безоблачные, горячие от солнца. Мамка следила, чтобы я не выпускал из рук учебника, хоть и на крыше живу. Но и там днём духота. И там мухи достают. В сон клонит. Мамка на хозяйстве, не производственница, никуда от её надзора не укроешься. Я выросл, но по-прежнему боялся мамки пуще огня.

— Отпусти на озеро искупаться, — стал просить мамку.

— К вечеру чтобы был как штык дома! Надо поливать огород! Жара вон какая стоит. Воду везде накачал? — мамка уже проверила воду и в ванне, и в бочке, придирчиво осмотрела чистый двор, который я подметал каждое утро берёзовой метлой.

Подметаю и за воротами. Мамка моя — чистюля. В доме у нас ни пылинки. Полы сверкают коричневым блеском от лака поверх краски. На жёлтом комодe нарядная скатёрка ручной работы, с белоснежной прошвочкой по краям. Моя кровать с панцирной сеткой в зале, родители спят в спальне. Большой кожаный диван с откидными подлокотниками стоит в зале для красоты. Домотканые, из лоскутов, цветные половики в прихожей и в зале. В спальне, под ногами у кровати родителей, большой круглый половик, тканый из лоскутов. Кровати утром мамка сама убирает, на покрывалах узорная русская мережка по краям. Белоснежные подушки, взбитые, теремками постятся на кроватях. Днём прилечь на кровать

не моги. На кухне для отца кушетка. После работы приляжет и дремлет, пока мамка к столу не позовёт.

Летом печь не топят в доме. В связке с дворовыми постройками, сеновалом и хлевом, крайняя — из брёвен летняя времянка. Баньки нет. Времянка тёплая, но тёмная, низкие потолки, окно во двор, за печкой закуток без лампочки. Собачья будка под окном времянки. Вдоль ограды провод, по которому бегают на цепи собачонка. Мамка больших собак не терпит. Поэтому в нашем дворе только малорослые собачонки, голосистые ночью, если кто чужой, и умные, молчаливые днём, «характерные», в мамку. Школьником я не перерос мамку, и только в зрелые годы пришло удивление: какая мамка маленькая, штaketник палисада ей до подбородка. Как мамка умудрялась обшивать высокие стены дранкой, когда строились? Сколько же надо было физической силы — затирать стены глиной с песком, потом белить потолки и всю хату к Троице! Мамка любила летнюю Троицу. Пасха всегда холодная, зимой никто и не белит стены и потолки в избе. В доме русская печь. Русскую печь мамка топит к ноябрьским. На железных листах в русской печи шаньги с творогом выпекаются, сушки рассыпчатые. И нет слов — передать вкус мамкиных шанег с творогом, когда мамка будит меня утром и зовёт поесть горячие шаньги с молоком. А потом хоть весь день спи. Каникулы. А после еды какой сон? В хлеву корова ждёт, надо вывозить в ванне на салазках грязь от свиней. Навоз из хлева — отдельно, для парников под огурцы копится. Для свиного овна яма вырыта в огороде специальная, туда опрокидываю из ванны поросячье жидкое говно. Солнышко в морозном утре поднимается ласковое. От работы удовлетворение такое, что и в сон клонит. Отец на работе, кушетка за печкой на кухне свободная. Мамка там никогда не приляжет. В летней кухне, в тёмном закутке за печью, отец сделал из досок жёсткие нары. Мамка девчонкой много работала в полевых бригадах во время войны, спали подростки вповалку на нарах широких, с тех лет не любит мамка мягкую постель. Часто о жизни мамка говорит: мягко стелет, да жёстко спать.

Не любит мамка и пуховую перину, которую на свадьбу подарили ей тятя с мамой — так отец зовёт своих родителей: моих деда Василия Ивановича Полякова и бабушку Ефимью, в просторечии хаёринских баб — Фима Белоусова. Отец любит спать на перине. Пуховая перина — она как полати русской печи: всю хворь жаром пуховая перина вытягивает. Жарко спать в перинах, свариться можно.

Рисую акварелью с шестого класса. Зиму восьмого класса ходил в художественную школу. В сентябре сдал экзамены по рисунку и композиции, приняли меня первым набором в Канскую художественную школу. Галина Яковлевна Иванова — мой классный руководитель. Приняла она наш класс, пятый «В», от Валентины Константиновны Чухломиной, учительницы начальных классов. Мы очень любили своих учителей. Очень. Они отвечали нам взаимной любовью. Муж Галины Яковлевны Ивановой — известный в Канске и в крае художник. Виктор Александрович Иванов долгие годы добивался открыть в городе Канске художественную школу.

Помещение под школу выделили в здании детской и юношеской библиотеки, в которую я бегал с улицы Лазо в центр города за книжками с пятого класса. Два этажа дома дореволюционной постройки, через улицу — Гадаловские ряды, построенные купцами в девятнадцатом веке. Галина Яковлевна и привела меня к мужу, он посмотрел мои школьные стенгазеты, улыбнулся, допустил к экзаменам. В нашем квартале, на солнечной стороне, через пару дворов жил мой школьный друг Коля Телешун. Подружились мы в школе, соревнуясь в новогодних стенгазетах: картины с открыток на ватмане акварелью заливали. И в Коле виден был настоящий художник. Отучившись в «художке» зиму, я уехал в Томск учиться. Коля Телешун поступил в Харьковское художественное училище, вернулся в Канск и всю жизнь отдал родной художественной школе, учил детей, директором работал, на пенсию вышел.

Кто тогда мог знать свои пути-дороги по жизни?

Мамка отпустила купаться. Я собрал в сумку альбом и краски, повесил лямки на руль велосипеда. Поехал я на этот раз на озеро Бородинское. Длинное, рыбное, в рослых камышах. Южный берег укрыт высокими тополями. Лесок редкий. Каждый год там располагается школьный лагерь, где живут выпускники филимоновской школы. Ребята и девочки отработывали на полях совхоза «Рассвет» трудовую школьную практику. На совхозных полях — необоримые посадки свёклы, картошка цветёт, окучивать тяпками надо. Всё требует прополки. Деревенские дети, привыкшие трудиться на своих огородах, утром, по холодку, пока солнце ещё невысокое и нежаркое, массово высыпали на картофельные поля и споро обгарывали тяпками клубни картофеля. К полудню поля

пустели. Под тенью тополей, в холодке, школьники отдыхали. Рядом мостки в озеро из двух толстых плах. Девчонки купаются, парни дрыхнут в палатках.

Я пристроился с альбомом в сторонке, не видный с мостков за камышами. Делал акварельные наброски. Солнце припекало маковку, и я подумывал обогнуть на велосипеде озеро и искупаться в стороне от любопытных глаз. Обернулся случайно. Вздрогнул. Первая любовь. Много написано трагедий и комедий, связанных с этим дивным, божественным явлением. Девушка с подбитыми резинкой на затылке хвостиком шелковистыми русыми волосами, в купальнике, похожем на рыбу чешую, насторожённо улыбалась, прислонившись к старому тополю. Недолго она стояла, заступила за толстое становище тополя и растворилась в прохладе леса.

Мамка отпустила и на другой день на озеро. Мамке нравились мои акварели. Верила мамка: серьёзно ребёнок занимается искусством. А я просиживал рядом с мостками и ждал выхода девушек на открытые солнцу мостки. Видел её, купающуюся. Она приходила на прежнее место под высоким старым тополем. У школьников, которые жили в палатках рядом с палатками школьниц, узнал её имя и фамилию.

Ночами я не мог заснуть. Школьники отработали практику и уехали в своё Филимоново. Уже июнь. Какие экзамены? Я ни о чём и ни о ком не могу думать, кроме девушки Нины из Филимоново. Меня лихорадило от тоски, от желания ночью сняться птицей с потолка дома и улететь к ней. Терзало желание украсть мотоцикл у отца из гаража, тихо выкатить мотоцикл «Иж» ночью из двора в калитку и уехать в Филимоново.

Бестолочью я стал полной. Не просто оглупел, а дурак дураком стал. Алгебру на экзаменах решил на четвёрку. А сочинение даже и не писал. Все два часа сидел и баловался, постреливая из резинки пульками из жёваной бумаги в Серёгу Лимберга, моего закадычного школьного дружка. Галина Яковлевна плакала после экзаменов, не знала, как меня спасти от второго года.

Лариса Владимировна Самсонова, директор школы, курила папиросы «Беломорканал», зимой ходила в белых фетровых бурках. Фронтовичка, прошла всю войну до её завершения в Пасху, девятого мая 1945 года. Боялись мы Ларису пуще наших отцов и матерей. Кабинет директора школы на первом этаже, учительская на втором. Повела меня Галина Яковлевна к Ларисе Владимировне.

Разговор состоялся суровый. Лариса материлась не хуже своего комбата и знала в этом воспитательном процессе толк. Отец у нас матерился редко, вывести отца из себя — надо было пуд соли съесть. Мамка, грешным делом, иногда выражалась художественно.

— Тебе что, на ...у соли насыпали — такая злая?! — услышал раз, как мамка ругала соседку через улицу.

Такого оригинального выражения можно было ожидать и от Ларисы Владимировны.

— Вот что, сынок,— закурила Лариса Владимировна папиросу.— Поставим мы тебе тройки по русскому и литературе — годовую оценку. До конца жизни молись на свою Галину Яковлевну. Выдадим аттестат за восьмилетнее образование. Иди и не греши. Мир большой. Мир научит всему...

На выпускной мамка купила мне белую нейлоновую рубашку, чёрные красивые брюки, крепкие и аккуратные туфли. Галина Яковлевна не стала рассказывать мамке, что я экзамены за восьмой класс не сдал. Отец работал в ночь. Уехал на работу на велосипеде. На рассвете тихо выкатил «Ижа» из гаража, укатил по улице подальше от нашего дома и завёл мотоцикл.

Дом Нины я нашёл задолго до экзаменов. Искать приехал в Филимоново днём на попутном молоковозе. Улица Луговая, где жила Нина,— на окраине, рядом с трактом. Нина ждала. Верила, что найдёт её мальчишка с красками и альбомом. Уходили с ней в холмы за железную дорогу. Гуляли по альпийским лугам, катались в травах и запоем целовались, мяли цветы жарки́, так ясно росшие в раю моей первой любви. Уходил от Нины по тракту в Канск при ярких звёздах, в два часа ночи. Восемнадцать километров одолевал к рассвету. Потом мамка с боем меня сгоняла с потолка дома на работу. Отец не ругал за угон мотоцикла, но стал сам ездить теперь на нём на работу. Я садился на велосипед и крутил педали в центр города на табачную фабрику, на ходу досыпая своё сумеречное счастье от сладких ночных поцелуев с Ниной.

Мамка не подозревала о моей первой любви. Вернее, это была «вторая» любовь. В четвёртом классе я влюбился в Лену Максимову. Ночью температура поднялась. Мамка рядом сидит, лоб щупает.

— Сыночка, что случилось? Жар-то какой.

Мамке я доверял с самого детства, как и отцу. Сознался:

— Люблю.

Мамка оторопела от моего признания: двенадцать лет ребёнку. Похоже, автоматически переспросила:

— А как ты любишь?

— Сердце бьётся! — сознался.

Сознался и заснул. Горячность первой детской влюблённости прошла быстро. Лена Максимова, дочь офицерская, в пятый класс учиться не вернулась. Лётчика, отца Лены Максимовой, перевели служить на Дальний Восток. Нравился я все восемь лет однокласснице Люде Селиховой. Сидели мы весь шестой класс за одной партой. В школьном буфете работала мама Люды Селиховой. И я каждый день находил в своей парте пирожок с повидлом. Люду не обижал. Взрослые мы какие-то уже были отроками. Умели ценить заботу других о себе. Учились заботиться о тех, к кому лежит сердце. Сердце к Селиховой не лежало. Я перебрался бездельничать на последнюю парту к дружку Славке Горбунову. Славка был как тугой футбольный мячик: в руки его не поймашь, когда дерётся с кем-то из старших классов. И у нас уговор был выручать друг друга. И мы выручали. Дерёмся на улице с местными рядом со школой спина к спине. И никому ещё не удалось нас крепко побить.

После выпускных экзаменов мамка погнала меня на табачную фабрику. По просьбе отца меня приняли учеником в столярный цех. Колотить ящички я научился быстро, норму до обеда делал. Клал пару пачек папирос «Беломор» в сетку, вешал её на руль. На проходной охрана изумлялась — негласная норма «украсть». Пропускали мой велосипед в приоткрытую створку ворот, на проходной стояла металлическая рамка-вертушка. Я ещё не курил. Пачки складывал в чемодан, будто предугадывая свою дальнюю дорогу.

После работы я ехал домой. Мылся. Обедал. Одевался в белую рубашку и брюки. До Филимоново не доедешь по пыльному от машин гравийному тракту на велосипеде. Отец мотоцикл от меня стерёг. Поэтому выходил я на окраину за город, ждал молоковоз. Шофёры меня стали узнавать. Уже июль. И каждый день я голосую на тракте. И на рассвете возвращаюсь пешком в Канск из Филимоново.

Получил я полторы зарплаты за полтора месяца, отказался дальше работать. С каких горних высот позвал меня Томский геологоразведочный техникум? В школу к нам приходили преподаватели из училища железнодорожников, сватали после

школы в город Иланск учиться. В Канске технологический техникум. Готовят специалистов для лесопромышленного комплекса, механиков, мастеров-строителей. А мне вдруг захотелось стать геологом! Дядя Юра Коростелёв давно ушёл с лесовоза, работает шофёром у геологов в Ивановской геологоразведочной экспедиции. Я попросил дядю Юру расспросить, где учат на геологов. Дядя Юра узнал у геологов подробности. Я долго не думал. Собрал чемодан дорожный, упаковал пачки «Беломора» так, чтобы мамка не знала. Объявил, что еду в Томск поступать на геолога. Отец мой любимый остался с каменным лицом, за мои папиросы в сетке отцу крепко досталось от начальства на фабрике. Перечить отец не стал. Глянув на отца, мамка вздохнула:

— Не век же тебе ящички колотить.

Я поступил в Томский геологоразведочный техникум. Нина поступила в Канское училище связи.

Права мамка: жизнь мягко стелет, да жёстко спать. Огурцы — народ капризный.

3. Страна Мамонтея

Река Аган — лесистая, километров тридцать до истоков на перевале. Морское побережье за горным хребтом, часто наволакиваются с Охотского моря густые туманы. Разведочная партия Хасынской геофизической экспедиции, в которой я, студент-дипломник Томского геологоразведочного техникума, работаю рабочим, делает детализацию участка Карамкенского золоторудного месторождения. Палаточный лагерь геологов поставлен высоко над речной долиной, в огромном амфитеатре древнего вулкана. Страна вымерших мамонтов. Страна Мамонтея.

Живём мы по соседству с рабочими-шурфовщиками. По данным электропрофилеирования, которое мы делаем, горняк отряда размечает шурфы на профилях, глубины до коренных скальных пород не требуют взрывчатки. Ближе к центру древнего вулкана — там глубины в вечной мерзлоте. Взрывные работы горняки проведут позже, когда геофизики снимутся на базу партии.

Мужики-шурфовщики работают спарками, по двое. Взрывник Мишка у горных рабочих с одним глазом, зовут они его Кузузовым. Я часто бываю в палатке Славки, гурана забайкальского, и деда Гены. Гураном забайкальским Славку кличут мужики за степную раскосость глаз. Родом Славка-гуран с Чикоя, помесь забайкальского казака и бурятки. Вырос в детдоме в Улан-Удэ.

Привезли мужиков на Колыму молодыми парнями, на северах выветрилась их судьба до полтинника. Культурные люди, слова матерного от них не услышишь. Играем в карты, расписываем «тыщу». Палатка у шурфовщиков поставлена на каркас из жердей тонкой лиственницы, брезент натянут до звона, капли дождя не прошивают. По низу каркаса брезент палатки пришит рейками. Печь жестяная у шурфовщиков, очень большая. Славка, сам жестянщик, готовясь к полю, в мастерских экспедиции в Хасыне сам и печь склепал. Шурфовщики пьют чифир вприкуску со сгущённым молоком. Дед Гена смеётся:

— Старые — что малые. На сладкое тянет.

Смеюсь:

— Наше, филимоновское. Сам я из Канска.

— Вон ты откуда, — скрипит голосом дед Гена. — Молодой ты ешшо. Пластилин. В какие руки попадёшь — и лепи из тебя кого хочешь.

На весновке произошла драка с Курилкой. Парень по фамилии Курильный устроился в экспедицию поваром после армии. Дураковатый, шептун, будто травку курит. Так и стал для работяг Курилкой. Решил Курилка помыкать мной, завёл армейскую дедовщину. Первое время просил меня по-человечески: мол, помоги дров для кухни наготовить. Оба мы равные рабочие по разряду и зарплате. Потом он начал голос повышать при мужиках. Фигурой и телом Курилка напоминал «качка», колол дрова с открытым торсом, играя мускулами. В отряде студенток трое, плюс женщины геологиня Машенька Кулагина и геофизик Таня Ержинская. Женщины молодые, недавно из вузов распределились. Надоело мне терпеть Курилку. По силе мне его не одолеть, да и на пять лет он матерей. Развязка пришла быстрее, чем думалось, без свидетелей, в бараке начальника отряда Вадима Берчинского. На весновке мы строили с геофизиком Вадимом Берчинским этот барак, остался жить на законных правах. Геологи и рабочие каждый сам себе палатки ставили. Курилка припёрся и начал грубо гнать меня на кухню носить воду из реки. На горячей печи стояла сковорода с ручкой. Ухватистая для боя. Мои нары рядом с печкой.

— Может, тебе ещё и носки постирать? — с угрозой поднялся от нар я.

Курилка не успел ответить. Я схватил горячую сковороду и удачно трахнул его этой сковородой в лоб. Курилка осел на корточки у дверей.

— Сейчас я тебя убивать буду,— опираясь спиной о косяк, начал подниматься он.

Я подпрыгнул и ударил его каблуком сапога в грудь. Дверь за его спиной распахнулась, и он вывалился из барака.

— Ещё раз сюда появишься — убью,— меня трясло.

Курилка, лёжа на спине, стал отползать. В тайге у меня всегда на поясе нож в ножнах. Когда я нож выхватил, не помню. Курилка отползал и дрожал голосом:

— Брось, дурак. Брось, ведь посадят.

Промелькнул вопрос: «Отчего посадят?» Глянул на сжатый в кулаке нож. Мысленно выругался: никогда в жизни за нож не хватался. Любил гулять весной по ночному Томску. Одевался в штормовку, кеды обувал, кожаные перчатки на руки. И уходил в центр, к хлебозаводу. В ночную смену работали часто и студентки, окна в хлебопекарне распахнутые на верхних этажах, студентки слышат зов, выглянут, попросишь хлеба — не отказывают. Накидают горячих батонов и белых буханок хлеба, упакую хлебное добро в рюкзак и бегу в общагу на Новосибирскую улицу. Народ в общаге — как птенцы в гнезде без мамки, желторотые все, голодные постоянно. Ночью не спят. Иду по комнатам своих товарищей, раздаю хлеб; намнутся мальчишки хлеба с водой — и счастливые.

Я отправил нож в ножны. Повернулся и ушёл в барак.

Дед Гена и Славка эту весеннюю стычку с Курилкой знали. В тайге, как и в мешке, шила не утаишь. Барак построен на лесной террасе, палатки в сухом русле Агана, народ там был. Видели. Слышали.

— Это как из дерева — доску для иконы или топорище можно вытесать. Так и из пластилина — лепи из тебя кого хочешь, студент,— скрипел голосом татарин дед Гена.

Рабочие мужики на шурфах — народ начитанный, палец в рот им не клади. Старые колымские зэки. В изголовьях нар у деда Гены на полочке книжная полевая библиотека. Сборник рассказов Ивана Бунина, «Хождение по мукам» Алексея Толстого. У Славки кипа журналов «Роман-газета», «Наш современник». Я пользуюсь этой полевой библиотекой. Правда, читать некогда: в ясную погоду работаем до упаду. После смены все спать, а я беру у горняка Володи Кулагина карабин и убегаю в горы искать на тропах горных коз.

Славка ржёт. Это он о дереве и пластилине.

— Ромка у нас коммунист,— подначивает Славка.

— Почему коммунист?

— Смотрю, ты и рубаху последнюю ближнему отдашь, если попросит...

Славка кладёт карты на стол, прихлёбывает из алюминиевой кружки чифир. Банка сгущёнки проткнута ножом, Славка, как дитя малое у титьки, сосёт сгущёнку из банки. Теперь мы ржём с дедом Геной.

Дед Гена, татарин из Казани, коричневый от колымских ветров и солнца лицом, сухо бреется каждое утро. Славка с огромной чёрной бородищей отшельника ходит.

Печка в палатке рабочих, из жести, большая, рядом у входа поставлена, на полу кастрюли и чашки, на горячей плите чайник с кипятком. Дед Гена чифир отдельно в кружке заваривает. Играем в карты, разговариваем. За горным цирком, на выброске, в соседней долине работает геофизик Таня Ержинская, с ней два парня, студенты из Казанского университета. Туманы вторую неделю. Не работаем, сидим в палатках — потеряться в тумане в горах очень просто.

Рация — в палатке начальника отряда Вадима Берчинского. Утром собираемся у начальника, рация тихо потрескивает из-за грозы где-то. В палатке Вадима Берчинского тепло, топится печурка. Сыро и холодно по ночам в брезентовых палатках без печей на Крайнем Севере и летом.

От густого тумана на улице мрак, в палатке из плотного брезента темно, на столе коптит за стеклом керосиновая лампа. Ребятки за горным хребтом доели и галеты. Вадим Берчинский переживает: вертолёт в такой туман не прилетит на помощь. Надо пешком нести нашим товарищам продукты за горный хребет. Я, единственный в отряде охотник за горными козами, знаю расщелину между скал в горном цирке, тропа натоптана мною до подъёма к расщелине, и тропа известна только мне. Мне и нести продукты Тане Ержинской.

Мне нет ещё и восемнадцати лет. Вадим искрится взглядом в мою сторону, в этот миг он меня любит по-братски от нахлынувших чувств, какие нередко вспыхивают в нас, когда наваливается беда, но брошен спасительный круг. Нагрузили рюкзак консервами и галетами.

Пошёл я по тропе, словно призрак в тумане, ощупывая подошвами резиновых сапог тропу и свои давние следы. Подошёл к крутизне. Бывая на охоте за козами в этом месте глинистого склона вперемишку с щёбёнкой, я в своё время намял ступени,

солнцем их высушило до кирпичной твёрдости; сейчас глина ступеней отсырела и скользила. И сам удивился: для чего в своё время я закрепил узлом альпийский репшнур наверху в скалах? Будто знал: придёт час — репшнур поможет мне карабкаться наверх, держась от натуги за эту крепкую капроновую верёвку. Выкарабкался по крутому глинистому склону до узкой расщелины среди скал. За скалами открылось пространство долины большой реки, пространство это дышало, волновало мощью и далями, не видными за туманом. От расщелины начинается спуск в распадок, который уходит вниз — в долину широкой и лесистой реки. Не заблудишься в тумане. Только в этом распадке лежал огромный ледник, не тающий и летом. В июне ледник под горячим колымским солнцем рыхлый, промывает ручьями до глубоких расщелин, туман держится плотный, дальше протянутой руки ничего не разобрать.

До расщелин в леднике спускаюсь боком, ступенчато переступая вслепую. А дальше пришлось лечь на бок и ползти. Тяжёлый рюкзак с консервами и сухими галетами вымок, тащил рюкзак за собой волоком. В тумане мутно различимые каменистые склоны пропали. Чем ниже я полз по леднику, тем шире становилось белое поле, и берега ледника уже не читались в тумане.

Яснее стал слышен гул от воды, шумящей водопадом под ледником. Начались расщелины, страшные своей неизученной бездонностью, тёмно-синие внизу. Слышно, как ледяная вода под ледником ворочает галечное дно с шумом работающей мельницы, перемалывающей щебёнку.

Спрыгнул в расщелину, когда стало видно поток, а ширина щелей позволила идти по дну. Вода, упругая течением с гор, с силой тащит по руслу. Из рюкзака вода льётся ручьями в дырки, которые протёрлись в брезенте от шершавого льда. Пока полз, изорвались в коленях штаны робы полевой, протёр и колени до мяса. С пылу-жару боли от ран не чувствовал в ледяной воде, когда шёл в ледяном потоке в расщелинах, а когда пришёл в отряд к Тани Ержинской, понял, что возвращаться придётся таким же образом, как и пришёл, иного пути нет. Студенты выделили мне целые штаны, бинтами перебинтовали кровоточащие ссадины. С Вадимом Берчинским уговор: могу остаться в отряде Тани Ержинской и ждать ясной погоды и вертолёт.

Таня Ержинская поставила для себя двухместную палатку в сторонке от глаз. Казанские студенты жили в четырёхместной палатке на тернистом берегу реки; в палатке соорудили каждый

для себя нары из досок и обеденный стол. Изголодались студенты. Рядом рыбная река. Отец приучил меня рыбачить с детства. Пачка крючков рыболовных, катушка лески всегда со мной в тайге. Идёшь вдоль гремящего потока, на крючке красная тряпочка. Июнь. Хариус поднимается, в каждой яме стоит. Пустишь мушку по воде вдоль бережка речки, вынесет мушку к яме — хариус обязательно зацепится. Костёр, бумага-крафт, хариуса присыплешь солью, в мокрую бумагу завернёшь, сунешь под угли костра. Ждёшь недолго. Такую вкуснятину в ресторанах не подают.

Таня Ержинская принесла к студентам бутылку водки ради гостя, пир устроили из сайры с галетами. Выпили всю водку. Белая ночь в долине ясная, тумана нет. Собрался возвращаться в свой отряд.

— Шальной?! — сладкое и манящее у Тани это слово «шаллой» вырвалось.

Я провожал Таню до её палатки. Таня попросила минуту постоять. Скрылась за входным пологом, разделась и укрылась до подбородка в спальном мешке. Нары в двухместной палатке не поставишь, брезентовый пол вшит в палатке. Резиновые надувные матрацы выдают ИТР на складе экспедиции. Снабжение продуктами на Колыме отличное. Нет только птичьего молока. У завхоза на складе даже копчёная сухая колбаса в мешках хранится. «Для начальства».

— Присядь, — предложила Таня Ержинская.

Я опьянел от выпитой водки. Фантазии мои разыгрались. Я ярко увидел в памяти Нину. Увидел её с охапкой цветочков, которые зовут и жаркэми. Меня затрясло. Затрясло в объятиях Тани Ержинской. Таня Ержинская целовала торопливо мои губы, лицо, шептала:

— Шальной. Шальной мой, нецелованный. Иди ко мне...

Я разжал замок её пальцев у себя за спиной. Выпрямил спину.

— Нет, — тихо, но твёрдо отказался.

Таня удивилась:

— Почему? Женщину не знаешь?

— Не поэтому. У меня есть любимая девушка. Не могу её предать.

— Ну и дурак, — засмеялась звонко и простодушно Таня Ержинская.

— Я пойду, — придержал руки Тани в своих горячих ладонях. — Я принял решение уходить в свой отряд.

— Иди,— согласилась Таня Ержинская.

До устья распадка, в котором ледник, полчаса ходу. Пока шёл, как перед смертью, я перевероршил всю свою короткую, в семнадцать с половиной лет, жизнь. Мысли о Нине стали частью моей жизни. Если что-то я собирался делать, доходило до смешного, но думалось: а как на это посмотрит Нина? Я внутри стеснялся плохих, недостойных мужчин поступков. Я и в геофизики пошёл, чтобы потом жить достойно рядом с Ниной. «Не век же тебе ящички колотить»,— часто вспоминался мамин вздох. Первая любовь — сильное чувство. О моих страданиях никто не знал. Жил я нелюдимо, сторонился девиц нашего отряда. До выезда в поле, ещё в экспедиции, практикантки распределялись шефом между геологами. Ходили девушки маршрутными рабочими, учились профессии. Учились жить людьми. И мелочей в тайге нет.

Томск. Третий курс завершён. Две недели — практика на полигоне в Староречье, в сорока верстах под Томском. Потом все мы, дипломники, разлетаемся на преддипломную практику по направлению — кто в Казахстан, кто в Норильск, кто в Якутск, кто в Магадан. От Нины нет писем месяц. После школы мне и в техникуме повезло с руководителем группы. Лидия Ивановна Миленко, преподаватель немецкого языка,— «мама» нашей группы. Муж Лидии Ивановны, полковник, служит в Томском высшем военном командном училище связи. В Томск Миленко приехали, отслужив в ГДР.

По всем предметам у меня всё ладилось. Немецкий язык во мне не приживался. Лидия Ивановна не сердилась. Женщина с чувством собственного достоинства, уважительная к мнению других. К нам, студентам, Лидия Ивановна Миленко относилась по-матерински, заботилась о нас в общежитии, следила, чтобы рубили «хвосты», чтобы не остались без стипендии.

— Ну, рассказывай, что там у тебя? — попросила Лидия Ивановна задержаться после сдачи «хвоста» по её предмету.

— А что у меня? — растерялся на её вопрос.

— Милый юноша. Я прожила долгую жизнь. С мужем на фронте полюбили друг друга. И глаза влюблённого человека меня никогда не обманывают. Горишь весь. Как бы не натворил чего! Рассказывай. Подумаем, как тебе помочь.

— Ехать в Канск надо. Месяц писем нет,— безнадёжно махнул я рукой.

Занятия в стенах техникума закончились. Мы сдавали «хвосты». Я получил сегодня тройку по немецкому. До отъезда на учебный полигон есть время. Можно уехать на неделю, опоздать дня на три.

— И сколько тебе дней надо на поездку? — вздохнула Лидия Ивановна. — Деньги хоть на дорогу есть?

В деньги всё и упиралось. Я бы давно уехал, плюнув на «хвосты» и на весь учебный процесс. Мои родители опять покинули Канск и перебрались жить в Невинномысск. На Северном Кавказе доживала свой век родная сестра мамино-го отца. Тётка Ульяна и выманила родителей в тёплые края. И помочь деньгами мамка не сможет. Можно ехать «зайцем», проникая в вагоны при помощи ключей проводника. Серёга Уфимцев дал мне ключи от дверей пассажирских вагонов, мать его работает проводником на ж. д. Серёга учится на буровика, он местный, томич, но дружим.

Лидия Ивановна открыла сумочку, с которой не расстанется, вынула десять рублей.

— И не спорь. Езжай, улаживай дела. Я тебя жду.

Я и не спорил. Май победный над страной моей любимой. И я — люблю-ю! Люблю! Лю-люблю-ю! Хотелось рыдать от благодарности Лидии Ивановне Миленко.

Поездом я приехал в Канск рано утром. Шёл сильный дождь. В здании железнодорожного вокзала огромные зеркала. Меня поразил мой вид: мятые чёрные брюки, чёрные ботинки с закорюченными — выбеленными — носками, ботинки давно не чищены кремом и щёткой. Уже весна, а у меня нет для мая лёгкой верхней одежды. Выбеленная старая брезентовая штормовка для такой поездки не годилась. Пришлось ехать в тужурке. Спать в тужурке на голой полке в поезде удобно и тепло. Правда, бежевая тужурка на мне новая, шитая в ателье по заказу мамки, тужурка с шалевым воротником, боковые внутренние карманы на груди, поясок с пряжкой. Модная. Шапка цигейковая пепельной стала от старости, козырёк оторван. «Шпана!» — поразился своему виду. Как в таком «наряде» появляться на глаза Нине? Но родителей в Канске нет, поспать, переодеться негде.

В туалете вокзала я помыл лицо и руки с мылом. Ночная бессонница в общем вагоне почтово-багажного поезда начала было мотать, но холодная вода освежила. И мне стало ясно: пропадаю! Пропадаю я без Нинки. И пропаду! И геология

мне без Нинки не нужна. И Томск. Я душой почувствовал: любовь моя первая в ином измерении уже живёт. Рай для влюблённых остался только во мне.

Городской автобус с ж.-д. вокзала идёт на гидролизный мимо училища связи. Остановка рядом с общежитием училища. За два года разлуки не получилось побывать в общежитии у Нины. После первого курса я приезжал к Нине в Филимоново. Зимой письма. Письма. Письма.

Переписывались три года. Теперь я дипломник, подготовленный для работы в геологии техник-геофизик. Нина окончила училище связи. Нине осталось сдать государственные экзамены. Через полгода мне исполнится восемнадцать лет. Нина на год меня старше.

На вахте общежития задержала грозная бендерша.

— Много вас тут шляется. Не пуцу,— отрезала.— Нет!

Спросил у девочек, стоявших в холле, не знают ли они Нину. Назвал фамилию.

Прямо как в сказке совпало: одна из девочек живёт в одной комнате с Ниной. И Нина в комнате. Ушла звать.

От зеркал в холле никуда не деться. Я видел себя в зимней одежде, в помятых брюках, шапку мял в руках. Обросший волосами до плеч хиппи! Шпана! А на улице лужи и весенняя грязь.

Нина пришла в холл, одетая в суконное осеннее пальто красного цвета. Белоснежный оренбургский пуховый платок приспущен на воротник пальто. Волосы прибраны, как я люблю, тугим узелком на затылке. Так прибирается утром мамка, придерживая шпильку для волос во рту. На Нине резиновые сапожки, тоже красные.

Я потерял дар речи. Лишь глаза сочились, казалось, кровью от боли.

— А мне говорят, какая-то деревня меня спрашивает. Подумала, с Филимоново кто.

Нина не удивилась моему приезду.

— Не хотела тебя обманывать. А правду написать не решилась. Замуж я выхожу,— созналась Нина.

Я сразу и не понял. Не понял, что Земля сорвалась с орбиты и я лечу в ледяной и безжизненный космос.

Следом спустилась девушка, ходившая за Ниной. Она тоже приделась для прогулки на улицу.

— Нина, ты идёшь? — позвала она Нину.

— Прощай,— равнодушно промолвила Нина.

Она резко отвернулась, выскользнула за дверь общежития; в широкое окно видно было, как с подружкой они устремились к автобусной остановке. Я вышел следом за Ниной и пошёл на остановку.

Подходил автобус, едущий до ж.-д. вокзала. Нина с подружкой втиснулись на переднюю площадку, я протолкнулся в заднюю дверь. Автобус людьми плотно забит. Я видел Нину на передней площадке. Оренбургский пуховый платок, овал лица врезались мне в память. На площади Коростелёва Нина сошла. Следующая остановка автобуса — на ж.-д. вокзале. Я поехал в свободном от людей автобусе до конечной остановки на ж.-д. вокзал. Купил в кассе билет до станции Тайга на пассажирский проходящий.

От потрясения не спал трое суток. Потемнел лицом, глаза потухли. Из чувства долга перед Лидией Ивановной Миленко глупости я не стал творить. Друзья мои в общежитии помнили добро. Помнили ночной горячий хлеб с хлебозавода, шоколадные конфеты с кондитерской фабрики, где я ночами работал — колотил ящики для фабричных конфет. «Белочку» коробками выкидывал через забор. До общежития, не поверите, двести метров. За забором ждал по договорённости курьер, забирал коробку с конфетами. Арахис и миндаль сумками приносил в общежитие после ночных смен и раздавал голодным товарищам. Вагоны разгружал на овощебазе с бригадой студентов, воровали со складов в бутылках подсолнечное масло, яблоки, виноград, всё это я приносил в общежитие и кормил товарищей. И делал всё это, оглядываясь на Нину. Верил: Нина будет гордиться мной, я — сильный! Я умею ломить трудности. Со мной ей будет надёжно жить рядом. Теперь всё потеряло смысл. Я решил улететь в Магадан.

Общага собрала мне деньги на авиабилет до Магадана. Направление на работу в Северо-Восточное геологическое управление выхлопотала для меня у директора техникума Анатолия Петровича Заявьялова Лидия Ивановна Миленко.

С молодым учителем Завьяловым наша группа ездил на уборку картошки. Жили гурьбой в одном доме, спали на матрасах на полу. Весело работалось. Норму по копке картошки в поле из-под трактора я выполнял до обеда. Завьялов отпускал меня в недалёкий кедрач. Я лазил по кедрам кошкой, срезал крючковатой проволокой шишки, слезал с кедра, собирал шишки, приносил ведро кедровых шишек в дом, где

мы гурьбой жили. Завьялов зауважал меня. Вечером сельский клуб, танцы под магнитофон.

Счастливые семидесятые минули. За три года Завьялов поднялся из учителя до директора. Мужик умный, знающий свою профессию, инженер-геофизик Завьялов был и умным организатором жизни техникума.

Магадан — закрытый город, без направления на работу не получишь пропуск в спецчасти в пограничную зону. Без пропуска не продадут в кассе Аэрофлота билет на самолёт.

Ил-18 на Магадан летит из Новосибирска. Новый магаданский аэропорт на пятьдесят шестом километре Колымской трассы меня встретил пургой у трапа самолёта. И только много лет спустя стало ясно, что всё сделано было не зря. Прожив на Колыме и Индигирке юность и зрелые годы, когда вырастил и отдал замуж дочерей, понял я, что рай для влюблённых был и остался именно там. В СССР.

В стране Мамонтея.

4. Медвежья желчь

Подрыв рабочего в шурфе парализовал все работы на Агане. Кутузов, взрывник, взорвал в шурфе Курилку, который из поваров ушёл на шурфы. Наглый, с замашками блатного, мощный физически, Курилка не прижился в среде горных рабочих. Шурфы бьются умением, а не кайлом и ломом. К тому времени, как это случилось, геофизику в цирке древнего вулкана завершили. По данным электропрофилирования разметили канавы и шурфы. Геофизический отряд перебрался на базу, расселились каждый в своей палатке, поставленной на каркас в сухом русле Агана во время весновки. Я вернулся жить в барак, который строил с Вадимом Берчинским.

— Что же с тобой делать? — Вадима Берчинского назначили начальником Верхне-Аганской геологоразведочной партии.

Предстояла зимняя шурфовка. Студенты из Казани бездельничали. Общей кухни и повара нет.

На Колыме люди следят за языком. Посёлки на Колымской трассе построены потомками заключённых в лагерях после войны. Потомками тех, кто знал цену слову. Курилка грязно отозвался о Кутузове за глаза. Всякий канавщик знает, что жизнь его — в руках взрывника. Кутузов не спускался в шурфы, рабочие самостоятельно вставляли взрывные заряды

в шпурь, которые долбили ломом в вечной мерзлоте, сами рабочие подключали детонаторы к проводу, уходящему к взрывнику в укрытие. Рабочий выбирался из шурфа. Прятался от взрыва. Кутузов соединял провод с взрывной машинкой. Кутузов затаил злобу на Курилку. Курилка был в шурфе, соединил провод с детонатором, взрывник крутанул машинку. Из шурфа вылетела с камнями далеко в воздух и плавно приземлилась одна чёрная фуфайка. Курилку разорвало на мелкие куски. Приехала из Хасына комиссия, с Новой Палатки из райотдела милиции — следователь. Кутузова скрутили и увезли. А нет взрывника — нет и взрывных работ.

Август на Колыме грибной. Маслят уродилось — хоть косой коси. Набралось много штуфных проб с канав и шурфов. Я таскал маслята мешками, варил и мариновал на зиму. Стекланных банок на складе у завхоза завалы.

Берчинский принял решение:

— Переведём тебя в дизелисты. Поставим дизельную электростанцию, будешь дробить штуфные пробы.

Зима не за горами. Под тёплый продуктовый склад Берчинский отдал тёплый барак, в котором мы жили. Собирая маслята, набрёл на старое охотничье зимовье. Не порушенное ни любопытным медведем, ни временем. А медведей на Тенькинской трассе много. Ягодники на марях. Грибы вдоль старых дорог и звериных троп. Медведь мышкует, обирает кусты голубики. Я осмотрел зимовье и решил: буду зимовать в нём. Нет дверей — это поправимо. Печь из толстого листового железа целёхонькая, обсадная буровая труба служит дымоходом и вечная, не прогорит. Жестяная разделка на покато́й крыше в труху дождями изъедена. Заменял. Стол у окна, в головах нар, сколотил из досок, в ногах лежака печь обложил речными булыжниками из сухого русла Агана. Берчинскому моя затея зимовать в домике не понравилась. Морозы на Колыме до пятидесяти. Потолка в зимовье нет, крыша из накатника лиственницы навёрстана от верхнего венца, щели я ветошью законопатил, но вокруг трубы в железной разделке на покато́й крыше, когда лежишь на нарах, видятся ночью звёзды.

К осени я свыкся с утратой. Но образ Нины помогал мне жить. Я верил в чудо, верил, что замужество Нины — чудовищная ошибка. Вся жизнь ещё впереди. И верил: Нина всё равно будет со мной. Дай только время. Из палатки я переселился в зимовье, ночами видел в щель разделки лучистые

звёзды в тёмном высоком небе. Мечтал и верил, что придёт время, и я напишу о нас с Ниной. Мысль стать писателем так поразила, что тихо рассмеялся.

Из Хасына привезли дизельную электростанцию. Приехала бригада плотников. Срубили из толстой лиственницы эстакаду для дизельной электростанции, подняли и укрепили на полу эстакады дизель. Неподалёку освободился летний продуктовый склад, под который была поставлена весной шатровая палатка. Вместе с дизелем привезли из Хасына щекую и вальцовую мельницы для дробления и измельчения штучных проб. Электрик соединил провода, дизель заземлил стальным тросиком. Запустили производство. Я быстро освоил смежные профессии дизелиста и дробильщика.

Колымский август ночью знобкий. Пока позволяло дневное тепло, поставил из кругляка над дизельной станцией каркас, обшил досками, накрыл крышу рубероидом. Когда дизель молотил, тепло рядом с мотором. Я с раннего утра и до поздней ночи дробил штучные пробы, измельчённую пыль упаковывал в пакетик из бумаги-крафт, химическим карандашом писал на пакете номер шурфа, линии. Работал добросовестно. За четыре месяца от встречи с Ниной в Канске здесь, на Агане, от постоянной тяжёлой физической работы я заметно подрос и возмужал. Армия маячила только весной. В Томск я решил не возвращаться.

— В октябре перейдёшь в бригаду плотников, надо рубить бараки для горных рабочих. Штучные пробы вывезем в химлабораторию экспедиции. В Хасын. Электричество от дизеля подтянем к баракам, — решил Вадим Берчинский.

До постройки барака поверх палаток рабочие раскатали рубероид. Палатка на четырёх человек имела сплошные нары, у входа ставилась печь из бочки. Зимовать можно. Много народу в палатках не расселишь. Барак есть барак. Колымчане знают цену теплу в бараке во время стужи, цену усердному дежурному истопнику. О гибели повара Курилки стали быстро забывать. На смену Кутузову приехал молодой взрывник Чирилов. За свою присказку «всё почиаем» сразу и прозвище ему дали — Чикалка. За мной закрепилось имя Ромка. Постоянно в тельняшке, гривастый, с широкой мастеровой лентой венцом через лоб, чтобы пот не заливал глаза при работе, я всегда говорил, когда заканчивал дело: «Ша, Ромы!» Заходил в палатку к рабочим, приветливо поднимал правую ладонь и здоровался: «Привет, Ромы!» Даже Вадим

Антонович Берчинский как бы забыл моё настоящее имя, звал по-свойски Ромкой. Мне это имя нравилось. Но была и другая тайна: боль утраты осталась в другом человеке, обманывал себя. Ромка эту боль не знает, не должен испытывать. Так, путём самообмана, привык к мысли жить ожиданием.

Таня Ержинская сошлась на выброске с Сашкой «казанским». Студент, высокий и худой, как глиста, вялый в делах, до женской ласки шустрым оказался. Мне вроде и дела нет. Но обозлился на Таню Ержинскую. Вида не подавал. Сашка за неосторожное слово получил однажды от меня кулаком в нос. Едва нас разняли. Своей кровью из носа Сашка мне весь тельник умазал.

— Пока кровь не засохла, снимай, постираю! — потребовала Машенька Кулагина.

Я подружился с Володей Кулагиным, который работал горным мастером до подрыва Курилки. Брал для охоты у Володи карабин. Правда, так ни одной козы не добыл. Но бегал по горам оленем. Машенька относилась ко мне как сестра. С Володей они закончили Томский университет, приехали в Хасын работать уже женатыми. Володя Кулагин из горных мастеров был переведён в геологи участка. Спас горного мастера от суда его отъезд в Хасын за аммонитом. Машину с взрывчаткой надо сопровождать. Рабочие вышли на канавы и шурфы по своему почину. Разобралось следствие.

Я часто заходил на чай в палатку к геологам Кулагиным. Дневалила у Машеньки Кулагиной часто и Таня Ержинская. После мордобоя Сашка «казанский» теперь не таскался за Таней хвостом. Да и видимость их связи стала незаметной. Со мной Таня Ержинская при встречах шмыгала носом, фыркала, воротила лицо в сторону. Не здоровалась. Таня Ержинская поняла причину моей ревности. По молодости лет я не понимал, что она — женщина зрелая, в самой охоте. Я в этой охоте ей отказал. Выход в таких случаях для полевых холостячек — это студенты, которые каждый год разные. В итоге всё равно кто-то да и женился.

Утром завтракал в зимовье, до вечера уходил на работу. Еду готовил сам, на растительном масле жарил из пресного теста ландорики вместо хлеба. Аган к августу обезрыбел, хариус скатился в главную долину большой реки. Река уходит к охотскому побережью, где и впадает в море. В августе лосось прёт на нерест. Чируха привёз горбушу в мешках, пересыпанную крупной солью.

За Верхне-Аганской разведкой закрепили «краба». ЗИЛ-157, трёхосный, куда с добром подходил для бездорожья. Взрывные работы велись в центре древнего вулкана, в амфитеатре, подъём в цирк пробил отвалом бульдозер. Бульдозер таскал «пену» с грузом наверх. По долине «краб» привозил взрывчатку в ящиках, солярку в бочках для бульдозера, который держали на горных работах. Шофёром был Генка Чирков. Родился Генка в Хасыне. Родители его — геологи послевоенного призыва. Звали Генку в мастерских и в гараже Чирухой.

— Привет, Рома! — Чирухе понравилось моё зимовье.

Он частенько останавливался у меня чаёвничать. И всегда уезжал в ночь домой, в посёлок Хасын.

Чируха видел меня с кулагинским карабином, с любопытством всматривался в мои глаза, допытывался:

— Рома! А медведя не струсить?

— А чо его бояться? С карабином и дурак не струсит.

— Это точно, — подтвердил Чируха. — Слушай, там у мостка на тридцатом километре на Теньке сенокосчики стоят. Подвозил их за харчами до Новой Палатки. Медведи совсем обнаглели. Сейчас сенокосчиков нет, поедем, поставим в их шалаше петлю? Я договорился с ними. Горбуши солёной возьмём, раскидаем в шалаше сенокосчиков. Обязательно припрётся мишка.

Ставить петли на медведей я не обучен. Карабин Кулагин даст на охоту.

— Из чего петлю-то? Любую проволоку порвёт зверюга, — рассудил предложение Чирухи.

— Петля из троса выдержит медведя. На дизеле у тебя заземление тросиком.

Дробить штучные пробы временно прекратили — кончились мешочки с пробами. Берчинский разрешил съездить с Чирухой на охоту. Я не стал ставить в известность начальника, что снимаю заземление с электростанции. Володя Кулагин дал мне две обоймы по десять патронов к карабину — всё, что у него осталось.

До устья Агана лесная дорога идёт по старым вырубкам, места открытые, голубики море, брусника кровью стелется. Маслят — хоть косой коси. Такое богатство «подножного корма» спасало зэков «Дальстроя» от цинги весной. Валили лес и выгрызали мёрзлую бруснику из-под снега. Чируха просвещал меня, пока ехали до шалаша сенокосчиков у мостка через речку. Отсюда Тенькинская трасса резко забирала влево и полого тянулась к перевалу, который был совсем рядом.

Медведей мы увидели сразу.

— Вон они, — рывкнул и на ходу выпрыгнул из кабины.

— Ромка! Куда ты? Ушли они, — услышал вслед.

Я рванул через густые кущи стелющегося стланика. Выскочил на открытое место террасы. Медведица и сеголеток спокойно удалялись по краю склона к верховьям соседнего распадка. Думать некогда. Первым выстрелом остановил медведицу. Сеголеток сделал круг вокруг медведицы. Вторым выстрелом убил сеголетка наповал.

— Чируха! Попал!

Медведица поднялась и тяжело пошла вниз от склона. Я бросился ей наперерез. По запарке карабин не перезарядил.

Медведица сошла в распадок, который сплошь был в зарослях кедрового стланика. По центру распадка, вдоль ручья, высокие кроны кедрового стланика сходились с разных берегов над умятой медведями тропой. Пока я присматривался, появилась медведица. Медведица неотвратимо шла на меня. Вскинул карабин. Нет выстрела. Растерялся. И не поверил сам, как мог я выпрыгнуть из распадка задом на крутую бровку за стлаником. Там я сообразил перезарядить карабин. Макушки кедрового стланика шевелились — это, задевая деревья, шла раненая медведица в верховья распадка. Метров сто медведица прошла. Выбралась на открытое место в верховьях. В гору ей не уйти раненой, пойдёт по склону от меня. Прицелился — промазал. Открыл канонаду. Попал в голову. Как шла, так и уткнулась в могучие лапы мордой. Сижу и соображаю: что же делать? На канонаду примчался Чируха.

— Рома, завалил?

— Обоих.

— Врёшь.

— Вон, — указал рукой на склон сопки, на неподвижного сеголетка. — А медведица за стлаником лежит, на открытом месте.

— Да-а, — протянул Чируха. — Вдвоем мы их с тобой не погрузим. Надо ехать за бригадой плотников.

Закурили папиросы. Меня трясла лихорадка от пережитого бешеного древнего чувства первобытного охотника. Чирухе я не стал рассказывать, каким образом будто кто за шиворот выдернул меня из распадка на это место, где курим.

— Пойдём посмотрим, — предложил Чируха. — Бывает, притворяются медведи. Держи карабин заряженным.

Открыл затвор кавалерийского карабина: магазин пуст. Все до единого выпалил. У Чирухи двустволка. Пошли по звериной тропе в кущах стланика к медведице.

Древний страх перед неодолимой и непонятной силой живёт потаённо в человеке от рождения. Всю жизнь человек вынужден воспитывать волю от боязни непонятных вещей и событий. Так близко медведя видел я впервые. Остановился в метре, а дальше дикий страх не позволял потрогать мощный загривок медведицы.

Чируха запросто открыл пасть медведицы двумя сильными шофёрскими руками.

— Иди сюда. Вдохни вони из горячей пасти зверя! И навсегда перестанешь бояться медведей.

Я послушно подошёл к открытой пасти и наклонился. Горячей тухлятиной дохнуло из нутра медведицы. Такой же запах исходит и от умершего человека, но ещё не остывшего. Всё ещё мягкое, не закостенело. От страшного запаха смерти из пасти отшатнулся. Страх не прошёл.

— Боюсь тронуть рукой за загривок,— сознался.

— Возьми дрючок, повороши шерсть, потом ладонью разгладь,— посоветовал Чируха.— Поеду за мужиками. Сюда по распадку «краб» пролезет. Верёвками затянем, захвачу на базе два бруса. А ты сторожи добычу. Не бойся...

Мужество в человеке должно быть высшего сорта, а не так: первого, второго, третьего. Чируха оставил мне свою двустволку и патронташ с пулями в патронах. Ушёл к машине. Звук работающего мотора с трассы слышен как рядом, будто за кустами. Решил сам открыть медведице пасть, осмотрелся. Подошёл, нагнулся. А как? Медведица ещё не остыла. Завалил голову зверя набок, только после этого получилось приоткрыть пасть, рассмотрел передние клыки. Медведица ещё не старая, да и весом килограммов двести. Когти на лапах, как опасная бритва, острые. Погрузим. Успокоился, сел на загривок мёртвой медведицы. И так мне жалко медведицу и молодого медведя стало, что мысленно поклялся не стрелять больше в медведей. Помимо древней неодолимой силы, от медведицы исходила иная, не знаемая мною энергия. Энергия вечно сменяющейся жизни. Энергия, не подвластная разуму человека. Интуиция зверя.

Убитых медведей привезли на базу партии. Я отказался обдирать шкуры с медведей.

— Рома, ты чо? — воззрился удивлённый Чируха. — Понятно. Справлюсь без тебя.

Попросил Чируху медвежью желчь отдать мне. В Сибири болеет язвой желудка отец. Медвежья желчь на спирту — лучшее лекарство от многих болезней. Чируха ободрал туши, шкуру медведицы мы прибили сушиться на солнечной стороне моего зимовья. Шкуру медвежонка-сеголетка Чируха увёз в Хасын.

5. Осень на Агане

Баня в геологоразведке — первое дело. В августе поднялась вода в Агане. Горы вобрали в себя солнечное тепло и нагрелись настолько, что к концу лета начала таять вечная мерзлота. Другой берег Агана делал колено ниже базы партии геологов, прижимался водный поток реки Агана к обрывистым скалам крутой горы до небес. Под прижимом — зимовальная яма, и в самый пик морозов в декабре река в яме до дна не промерзала. За скалистым прижимом долина Агана распахнута и лесисто расширялась к Тенькинской трассе.

Баню поставили плотники на высокой террасе. Осенний паводок выплеснулся из русла Агана, вода стремительно потекла по дорогам. Студенты разъехались. Палатки в сухом русле с каркасов сняли. Жили дипломники в Хасыне, собирали геологические материалы для дипломов в архиве спецчасти.

Завхоз уволился. Берчинский назначил временно завхозом меня. Баню держать горячей в субботу мужики просили меня. Бригада пилила и валила в долине Агана лиственницу, трактором таскали хлысты на стройплощадку, где до морозов должен подняться рубленый барак на двадцать человек. Место высокое, от стройки видно и моё зимовье.

Чурок на стройке навалом. В шаге от зимовья — пень старой лиственницы. На пне удобно колоть сырые смолистые чурки. Колотые дрова складывал в поленницу за стеной зимовья. Медвежья шкура высохла до жестяной прочности. Чируха незадолго до паводка привёз пять деревянных бочек солёной кеты. Селёдка и солёный лосось на шурфовке в особой цене. Мужики работают до седьмого пота кайлом и ломом на канавах и в шурфах. Соль выходит с потом, воротники рубах стоят и хрустят от соли. Кружка крепкого сладкого чая да кусок солёной кеты хорошо согревают желудок

и душу после холодного шурфа. Бочки с кетой закатили в тёплый склад. На дверь я повесил замок.

Вечерело. Надоело мне на горбу кругляк волохатъ, заготавливая дрова для зимовья. Барак уже имеет два нижних венца. Рабочие и плотники живут в палатках. День работают на трелёвке, шкурят брёвна, рубят простенки. Полный кузов «краба» накидали обрезками с Чирухой. Подвезли к зимовью. Шкуру медвежью пора снимать. Ночи уже холодные.

— Отдай мне шкуру медведя,— Чируха знал, помогая с дровами, что не пожалею ему шкуру медведицы.

— Забирай. В зимовье шкуре нет места,— отдал медвежью шкуру Чирухе.

Скинули из кузова машины чурки рядом с пнём для колки дров. Сняли с гвоздей шкуру медведицы. Шкура аккуратно на весь кузов «краба» выстелилась.

— Отдам человеку, который выделает шкуры,— остался доволен Чируха.

— Ты «план» не пробовал? — поинтересовался Чируха. «Планом» зовётся конопляная анаша.

— Ни разу,— сознался.

В Канске о наркоманах и не слышал. В Томске тоже не встречал наркоманов.

— Мне из Хабаровска прислали. Пойдём в зимовье, «косячок» забьём.

Лучи закатного солнца освещали скользющим жаром через оконце стол рядом с нарами. Двоим повернуться негде в зимовье. Чируха присел на чурку возле стола. Я подпрыгнул и присел на гребёнке высоких нар.

Высокая лежанка делалась охотником, который рубил зимовье, специально для укладывания дров под нарами. Сухая растопка, полешки сухие. В тракторной маслёнке я держал солярку для быстрой растопки сухих дров в печи утром. После ночи в зимовье дубак. Зимовать собрался основательно: взял на складе олений кукуль, в который вставил новый верблюжий геологический полевой спальный мешок. Спать в верблюжьем спальнике горячо, накрывшись с головой. После сна, горячий, выскакивал из спального мешка, приседал на корточки перед печью, сноровисто, быстро укладывал сухие поленья, обливал соляркой золу, чиркал спичкой, пламя обдавало дрова, и печь начинала гудеть ярким пламенем в

трубе на улице. Тепло быстро обдавало зимовье. Так я приспособился жить.

Чируха выложил на стол спичечный коробок конопляного «плана», похожего на плитку тёмно-зелёного пластилина. У Чирухи «Беломор». Я уже давно курю папиросы «Север».

Лёгким движением пальцев Чируха вытрусил на газетку табак из папиросы. Ножом накрошил «плана». Плитку убрал в коробок. Протянул мне.

— Возьми анашу. Пригодится. Мужикам не говори, что у тебя есть «план». Обкурятся — хрен заставишь работать.

Чируха тщательно перемешал табак с крупицами сухой анаши, с мундштука папиросы вытянул немного папиросную бумагу, прищепил край мундштука, чтобы табак не сыпался при затяжке в рот. Забил табаком с анашой две папиросы. Два «косяка». Закурили.

Сладковатый аромат плотно повис в дымном и тесном зимовье. Чируха толкнул на улицу дверку лаза. Сумрак от малого оконца рассеялся вечерней зарёй. Курим, молчим. Никаких ощущений. У входа к стене прислонён эмалированный таз. Утром в тазу я грею воду и умываюсь тёплой водой.

— Чируха, — прошу Чируху, притихшего на чурбаке рядом с этим тазом. — Чируха! Вылей воду из таза.

Чируха смотрит мутным взглядом на таз. Поднимается, берёт таз и будто выплёскивает в открытый лаз за порожек воду из пустого таза. Сделал дело. Невозмутимо поставил на ребро таз на прежнее место.

И тут мы захохотали. Хлопали ладонями по коленям и хохотали. Хохотали долго. До истерики.

Чируха пришёл в себя.

— Поехал я в Хасын, — решил он.

Над Аганом звёздное небо августа. Баню пора топить, решил я, проводив до кабины машины Чируху.

Проголодался после «косяка» так, будто сто лет не ел. Кастрюлька супа — под нарами, на холодной земле. Печь топится. Поставил, согрел суп. Поварёшкой вместо ложки выхлебал весь суп до дна. И больше ничего не помню.

Проснулся поверх спального мешка рано утром, окочевевший от холода. Крутит ноги, ломит всё тело после «косяка» анаши так, что голова трещит от боли.

Рабочий день пролежал в зимовье. Вечерком ко мне наведалься из бригады плотников Паря.

Удивительный молчун. Если он обращался к кому-то, одно слово и говорил хриплым голосом: «Паря-я». Хрипатый, Паря — кому как нравилось, окликали Парю. Паря привязался ко мне душой. Он уже почти старик. Было в Паре что-то нерушимое, настоящее. После драки с Курилкой, когда я в беспамятстве выхватил нож, уже никто в геологоразведке не пытался мною помыкать. Паря летом был на шурфах. Он единственный из рабочих на шурфах без пары, был нелюдим и жил в палатке один. В Хасынской экспедиции Паря работает лет двадцать. Знают его в геологических партиях как хлебопёка. Булки белого душистого хлеба в чугунных формах Паря выпекал в полевых условиях чудесные. Друг у Пари есть, каюр Чифирок. Вместе их в один отряд или в партию не берут — пьянствуют. Дело стоит. Работай врозь — каждый на вес золота работник. Ландорики замешивать из муки, хлеб печь меня научил Паря.

С виду Паря обычный пермяк, плосколицый, с характерной ямкой упрянца на подбородке. Парю побаивались в бригаде, не «кантовал» его и бригадир. Если Паря сидит на корточках, прислонившись спиной к стене в бараке, сидит и час, и два, курит и молчит, — бригадир плотников его не гонит работать. Остальные пашут.

Паря постучал с улицы ладонью в дверку лаза.

— Паря-я, — позвал он хрипло.

И столько тоски в этом зове Пари, надежды на то, что я живой, что я нашёл в себе силы и сел на нарах, свесив босые ноги.

— Ты, Паря? — отозвался на его зов. — Лезь на карачках в зимовье.

Сказать «заходи» — издёвка. Потому что вместо двери в зимовье лаз — метр в высоту и шестьдесят сантиметров в ширину.

Косо протиснувшись в лаз зимовья, Паря присел на чурбак у стола. Паря единственный из окружающих меня людей понимался мною без слов.

— Это тебе, — на столе спичечный коробок с анашой.

В зимовье стойко держится сладкий дымок выкуренной вечером с Чирухой анаши. Паря взял коробок, выдвинул, понюхал плитку в коробке.

— Паря, — ожил он лицом от удивления.

— Паря?! — благодарная улыбка на пермяцком лице с приплюснутым «боксёрским» носом показалась мне знакомой.

Я много читал. «Собор Парижской Богоматери». Квазимодо мне напомнил Паря. Душой.

— Паря-я,— опять прохрипел он.

Поднялся с чурбака и также кособоко, как и втиснулся в зимовье, выполз на карачках в лаз на улицу.

Ломало меня от наркотика из конопли до следующего утра. Утром приехал из Хасына на «уазике» начальник партии Берчинский Вадим Антонович. Жил он, бывая на базе, в бараке, который определил под склад. Я в барак заходил по делам. Ночевал в зимовье. На разводе решено было топить баню. Выходные дни. Отдохнуть должна и бригада. Стройке конца не видно. А живёт человек здесь и сейчас, рассудил Берчинский.

В бригаде всем за сорок лет по возрасту. Все прошли тюрьму и лагерь. Лишь бригадир не был судим. В Хасыне работал прорабом. Семья, дети. Берчинский уговорил Журавля Рыжего — так мы звали за глаза бригадира — организовать работу на участке в тайге. Бригадир Журавлёв — рыжий, как огонь. Выше всех ростом. На Агане Журавль Рыжий с бригадой в командировке. Бригада его сработанная. Костяк виден. Заметно стало, кто останется бригадиром в зиму. Бывший шурфовщик Славка. Дед Гена тоже зимой не шурфовал, годы не те — сопли морозить из-за длинных рублей. Тоже плотничал помаленьку в бригаде, рядом с другом Славкой. Экспедиционные рабочие годами жили в разведочных партиях. Это их жизнь. Другой нет и не предвидится. Дружбу со Славкой и дедом Геной я не терял.

— Я же говорил, что Ромка — коммунист! — хрипло говорил обо мне дед Гена Славке, когда узнал, что шкуру медведицы я отдал Чирухе.

— Так мы же охотились вместе,— удивился я упрёку деда Гены.

Славка ржёт:

— Такая медвежья шкура пятьсот рублей стоит! Мы хрен столько за месяц на шурфах зарабатываем.

— Ну и что? Чируха — мой друг. И я ему продавать что-то должен?

С некоторых пор с Генкой Чирковым мы стали друзьями не разлей вода. Чируха привозил на Аган взрывчатку, продукты и обязательно для меня зелёные огурцы и спелые красные помидоры из своей теплицы. Теплицы на Колыме широкоразличные, с подогревом земли железными трубами с горячей

водой от печи, где бойлер. Теплицы высокие, под стеклом, изнутри обтягиваются плёнкой. Арбузы Чируха выращивал в закрытом грунте своей теплицы — до десяти килограммов кавуны. Я натаскал из лесу много маслят в грибное время, снизки сушёных грибов гирляндами висели в складе; маслята варил, промывал, процеживал, стеклотары разной много, раскладывал в неё грибы и заливал банки маринадом. Мне нравилась таёжная жизнь. Отсрочка в армию до весны.

Поднять сруб барака под крышу — до снега управились. Даже потолок засыпали, золы с котельной в Хасыне Чируха полный кузов привёз на «крабе».

Дизельная электростанция по-прежнему на мне. В бараке поставили остеклённые рамы, настелили полы, при входе укрепили большую печь, сваренную из бочки. Провода электрические притянули к бараку от дизельной электростанции. На «крабе» подвезли к бане сухих дров. Свет электрический от станции проведён и к бане.

Для своего зимовья наготовил дров впрок до Нового года. Ближе к весне я собрался уехать из Хасына в Якутию. Колымская автомобильная трасса заканчивалась на Индигирке, в посёлке Усть-Нера, районном центре Оймяконского района. Знал всё это от Чирухи. Рыбалка и охота в Якутии известная. Работа там найдётся в Верхне-Индигирской экспедиции. Я написал летом письмо в Томск. Предупредил о своём решении не возвращаться. Письмо отослал Лидии Ивановне Миленко. Просил перевести меня на заочное отделение. Получил в конце августа ответ: переведён на заочное отделение. Не век же мне пробы дробить, вздыхал с тоской, когда дробилка надоела до тошноты. Остатки летних штучных проб Чируха увёз на своём «крабе» в Хасын, в экспедицию.

Ночами подмораживало до ледка в лужах. Дизель на станции заводился заводной ручкой. Масло в поддоне дизеля от холода густело. Поставили в июне дизель без подкладок. Поэтому, кроме банки из-под селёдки и васаи с горячей ветошью от солярки, под поддон дизеля ничего не втиснуть было для разогрева застывшего масла в поддоне. Заводной ручкой маховик не провернёшь, когда масло густое.

В субботу сунул банку с горячей ветошью под дизель. Подался к бане. Баню топить надо. Из реки воды натаскал в бочки, которые рядом с раскалённой печью нагреваются.

Печка укрыта речными гольшами до низкой притолоки вокруг буровой трубы. Полók парилки поднят высоко: в декабре на полу бани лёд, а паришься — уши от жара скручиваются. Народ парится кедровым стлаником, купаются мужики после парилки в ледяной воде в яме под прижимом.

Солнце уже невысокое на чистом осеннем небе. Жёлтая хвоя на лиственницах осыпается в воду и вызывает тоску. Присел на порожек бани передохнуть. И подскочил от сильного взрыва в районе склада. Терраса там гористая, под дёрном гравий и вечная мерзлота. Берчинский на разводе поручил взрывнику Чикалке берег слегка взрыхлить взрывом, лопатой сделать ступени, а то стало не подняться к бараку. Я совсем забыл о банке с огнём под дизелем. Дизельная электростанция к зиме закрыта от холодов каркасом вагончика. Взрыв мерзлоты потрянул дизель на эстакаде. Из банки под поддоном дизеля выплеснуло солярку, край горячей ветоши перенёс огонь на пол. Внутри мгновенно пол и стены охватило огнём. Дым чёрный над макушками деревьев виден далеко. Я пустился бегом к эстакаде, по лесенке вскочил до двери в станцию, распахнул и слетел камнем вниз. Буйное пламя вырвалось из дверей. Тушить никто и не пытался. Бригада плотников прибежала из барака, стояли с отсветом пламени на лицах. Все понимали, что «электричество кончилось и кина не будет». Я объяснил Берчинскому причину пожара.

Берчинский вздохнул:

— Проводим ревизию в партии. Придётся списать.

Этот пожар ещё более укрепил меня в мысли уехать весной в Якутию.

Желчь высохла в мешочке в тени навеса, обдуваемая ветерком. Медвежью желчь отвёз отцу в Канск. Родители вернулись в Сибирь. На Кавказе для сибиряков климат не тот.

В завершение февраля покинул Хасынскую геофизическую экспедицию.

Мой путь лежал по Колымской трассе на Индигирку.